

ИЗ КНИГИ И.В. АРХАНГЕЛЬСКОГО «ЗАПИСКИ ВЫПУСКНИКА ГОРНОГО ИНСТИТУТА»

В 1954 году, когда после окончания ленинградской 203-й школы имени А.С.Грибоедова пришло время сделать выбор, чем заниматься дальше, я не знал, куда мне податься. К чему меня влекло? Я очень любил читать книги. Но такой профессии — читать книги, если не считать работу цензора, не существовало. Нравилась физкультура, — пять лет занимался в районной спортивной школе гимнастикой, но способностей не проявил. С удовольствием рисовал, школьная учительница рисования даже направляла меня в художественное училище на Таврической улице. Но я посчитал, что рисую средне, и не пошел. Еще я любил рассматривать географические карты. Большая комната, в которой мы жили с мамой и старшим братом Дмитрием, была увешана географическими картами. А я уже в третьем классе помнил столицы всех государств мира, и мечтал побывать в них.

В младших классах школы я дружил с Вовой Черновым, чей отец работал в геологической экспедиции на Кольском полуострове. Я приходил в их квартиру на Кирочной рядом с Домом офицеров, разглядывал красивые минералы, медвежью шкуру, оленьи рога, изделия из моржовой кости. Там я слышал рассказы о Кольском полуострове и заболел этим краем. Я разглядывал карту полуострова, читал рассказы А.Е.Ферсмана. Тогда я не сомневался, что когда стану взрослым, то обязательно уеду работать геологом на Кольский полуостров, хотя в одной из книг вычитал поговорку: «От Колы до ада — два шага». Потом я забыл о своей мечте, а она неожиданно стала явью.

В старших классах потянулся ко всему морскому, как и многие мои сверстники-ленинградцы. Зачитывался морскими повестями и рассказами К.М.Станюковича. Носил тельняшку, ремень с якорем на пряжке. Зимой вместе со своим одноклассником Славой Прохоровым ездил в яхтклуб на Петровской косе, и там, сидя в неудобной позе, соскабливал с внутренней поверхности обшивки яхт старую краску, чтобы потом нанести новую. Летом суровый Слава, невозмутимый Боря Наулайнен и другие мои школьные товарищи выходили на сверкающих белизной яхтах в море, а я плавал в самодельной фанерной плоскодонке, залитой гудроном, по живописной речке Оредеж. Там, в пос. Вырица, на обрывистом, сложенном красными песчаниками берегу реки, располагался наш пионерский лагерь.

Я часто подумывал о поступлении в Высшее мореходное училище. После окончания училища его выпускники ходили в заграничные плавания, а поскольку большинству советских людей путь за рубеж был закрыт, очень многие ребята стремились поступить в мореходное училище, и этим создавали огромный конкурс. Поэтому поступать туда без протекции, или, как говорили, без блата, не имело смысла. Один из знакомых предлагал устроить меня в Военно-морское училище, но предупредил, что после окончания училища я буду служить на подводной лодке. Мне этого не хотелось. Я любил простор, которого подводники лишены. Да и опасался военных строгостей. И вообще с дисциплиной я был не в ладах.

В то время в одной квартире со мной жил двоюродный брат Виктор Гессен. Он учился на втором курсе нефтяного факультета Ленинградского горного института, и посоветовал мне поступать туда же. Аргументы его были: учиться в институте интересно, летом на полевой практике студенты весело проводят время у костра с гитарой и бутылкой вина, получают самую большую в городе стипендию, да еще с тройками, в то время как в других вузах троечникам стипендию не дают. Он даже исполнил фрагмент студенческой песни: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год...». После окончания Горного института жизнь еще интереснее. Постоянные выезды в поле с необыкновенными приключениями, дикие места, где геологу выдают карабин, охота, рыбалка. Геолог работает самостоятельно, за ним никто не надзирает. Он свободен! К тому же геологи неплохо зарабатывают. Аргументы весьма убедительные. Пожалуй, жизнь геолога привлекательнее, чем морские походы.

Одновременно подруга моей мамы предлагала помощь в поступлении во ВТУЗ при металлургическом заводе им. Сталина. Это было знаменитое на всю страну предприятие, производившее турбины для гидроэлектростанций — великих строек коммунизма. Однако я не мог себе представить, как после окончания ВТУЗа, если я пойду туда учиться, мне придется каждый день ходить на одно и то же предприятие, начинать работу по гудку и оканчивать так же, при этом постоянно находиться под чьим-то наблюдением, потом возвращаться домой, в свою коммунальную, густо населенную квартиру. И так каждый день, из года в год. С тоски можно помереть. И хотя эта работа

крайне необходима для построения коммунизма в нашей стране, мне это занятие не подходит, решил я, и поехал в Горный институт на день открытых дверей.

Таким образом, я выбрал не профессию, а образ жизни, которая у геологов представлялась мне полной романтики и приключений. А если говорить точнее, то я выбрал свободу, которой мне очень не доставало. При этом я понимал, что впереди немало трудностей и невзгод, но они меня не смущали.

Позже я узнал, что геология всегда давала приют изгоям советского общества. Так, Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский, проработавший несколько лет в геологических экспедициях, писал: «Геология была как та курица — брала под свое крыло кого хочешь, кто туда заберется. Геология стала кормящей матерью для столь многих!». Работа в геологических экспедициях не прошла бесследно для творчества поэта. В «Столетней войне», написанной во второй половине 1963 года, когда в его памяти еще свежи были воспоминания о работе в полевых экспедициях, часто встречаются геологические термины. Например, оз, аллювий, девон, карбон, докембрий и др. Всего в «Столетней войне» я насчитал около двадцати геологических терминов...

Я знал, где расположен Горный институт. Когда я еще учился в школе в шестом классе, мой отец — Всеволод Николаевич Архангельский, доцент кафедры русской литературы Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена, живший с другой семьей, принес путевку в пионерский лагерь Горного института. Этот лагерь располагался на берегу озера Кавголовское. Места очень красивые, недаром они носили название «Русская Швейцария». К сожалению, путевку дали только на одну смену, поскольку отец, хотя и работал в Высшей школе, отношения к Горному институту не имел. В лагере я познакомился с ребятами — детьми сотрудников Горного института. Позже, когда я поступил в Горный институт, многие знакомые по лагерю фамилии воплотились в знаменитых людей. Например, со мной в лагере находился Слава Бокий — прекрасный спортсмен, и просто хороший парень. В горняцком мире, как я узнал позже, фамилия Бокий пользуется большим уважением. Так вот, перед тем как ехать в лагерь, мама привезла меня в Горный институт на медосмотр. Тогда я впервые увидел здание Горного института. А теперь увидел снова.

Классическое здание Горного института, построенное в 1806-1811 г.г. по проекту архитектора А.Н.Воронихина, обращено своим фасадом на Неву. У причальных стенок покачивались суда. На стапелях соседнего Балтийского завода были видны корпуса огромных кораблей, а на Адмиралтейских верфях с другой стороны Невы строились подводные лодки.

Перед главным входом в институт по сторонам широкой пологой лестницы рядом с колоннадой установлены скульптурные группы. Слева — «Похищение Прозерпины Плутоном» скульптора В.И.Демут-Малиновского. В ней выражена мысль о том, что владетель сокровищ подземного царства будет обладать и плодами земного изобилия. Справа — «Борьба Геракла с Антеем» скульптора С.С. Пименова. Эта скульптура напоминает о мудрости древних: силу

можно почерпнуть только в соприкосновении с землей. Выполнены скульптуры в 1809-1811 г.г. из знаменитого Пудостьского камня (известкового туфа) артелью мастера С.К.Суханова. Из Пудостьского камня изготовлены колоннада и лестница. Камень добывали в окрестностях деревни Пудость, неподалеку от Гатчины.

Горняцкий поэт Владимир Британишский в своих воспоминаниях так писал о скульптурных группах: «Перед входом в Горный институт стояли две скульптурные группы: Геракл, борющийся с Антеем, и Плутон, похищающий Прозерпину. Из борющихся мы сочувствовали Антею: Антей верен земле, земля дает ему силу, так и мы каждую весну выезжаем на практику, припадаем к земле. Смысл другой скульптуры тоже легко толковался. Плутон, бог геологии, похищает Прозерпину, музу геологии и поэзии, как похитили ее мы, поэты-горняки».

Другой горняцкий поэт — Олег Тарутин, с которым я жил в одном доме №35 по Баскову переулку (а в доме №12 в это время подрастал будущий президент России Володя Путин), по-своему увидел скульптурные группы перед фасадом Горного института:

И подставив солнцу спину, по-весеннему влюблен,
Похищает Прозерпину жизнерадостный Плутон.
И Геракл, согнувши шею, весь облезлый, но не злой,
Поднял на руки Антея и качает головой.
Даже в камне сердце бьется, оживленное весной,
Так чего же остается ждать от публики живой...

Недалеко от главного входа располагалась кафедра гидрогеологии и инженерной геологии. Туда я сразу и попал. Лысый мужчина невысокого роста увлеченно рассказывал о подземных водах. При этом он очень по-доброму улыбался, чем сразу расположил к себе. Как я позже узнал, с нами беседовал знаменитый гидрогеолог, заведующий кафедрой Нестор Иванович Толстихин. Слушая Нестора Ивановича, я подумал, не пойти ли мне на эту специальность, но в одном из кабинетов кафедры меня напугало обилие пробирок, которые ассоциировались у меня с детской поликлиникой на ул. Пестеля, а, следовательно, с прививками, сдачей анализов и т.п. Поколебавшись, я все-таки подал заявление на нефтяной факультет, специальность «нефтяная геология». Сокращенно НГ. Там еще имелась специальность «нефтяное бурение (НБ)».

Первый экзамен по математике я сдал на тройку. Мама меня отругала, сказала, что я совершенно не готовлюсь, только шляюсь по улицам, и получил по заслугам. Хотя на самом деле для меня был приглашен репетитор по математике, и по этому предмету я готовился старательно. К тому же в нашей школе преподавал математику замечательный учитель Владимир Иосифович Лафер. Но оказалось, что всего этого недостаточно, чтобы хорошо сдать вступительный экзамен. Настроение мое упало, и я решил больше не напрягаться. Будь что будет!

Следующий экзамен — химия. По этому предмету я был подготовлен еще слабее, чем по математике, хотя в школе получал одни пятерки. Учитель химии поручал мне мыть химическую посуду и готовить хи-

мические препараты к урокам. Я у него постоянно выпрашивал, что будет, если соединить один препарат с другим, и, таким образом, узнал, как получить взрыв. За усердие в мытье посуды и любознательность учитель ставил мне отличные оценки, не спрашивая на уроках. А я, кроме секрета изготовления взрывчатого вещества, выведал, как химическим путем без следа свести нежелательную запись в школьном дневнике. Больше я ничего толком не знал. Экзамен по химии, но в другой группе, уже сдавала моя соседка по лестничной площадке Мирра Соколинская. Она перечислила мне вопросы, которые ей попались в экзаменационном билете. По этим вопросам я и подготовился, другой материал учить не стал. На экзамене я вытащил билет №13 и посчитал, что все кончено. Однако в этом билете оказались именно те вопросы, по которым я только и готовился, в частности, получение сероводорода. Я без запинки ответил на них, а на дополнительный вопрос, естественно, ответить не смог. В результате получил четверку.

Затем — физика, которую я не любил, вернее у меня не сложились отношения с учительницей физики, и нерасположение к учительнице перешло на предмет. Принимал экзамен Б.М.Звягин — преподаватель маленького роста по прозвищу Молекула. Рассказывали, что он заваливает всех рослых абитуриентов. Поскольку я был не намного выше Звягина, он мне поставил четверку. Потом я понял, почему он не любит высоких абитуриентов. Я видел, как один длинный парень держал билет, а сверху лежала шпаргалка, с которой он быстро что-то переписывал на доску. К нему подошел Звягин, вытянул голову, но не смог увидеть шпаргалку. Она находилась на недоступной для него высоте. Чтобы увидеть, ему пришлось подпрыгнуть...

Дальше следовал экзамен по английскому языку, к которому я готовился летом с нашей когда-то соседкой по квартире, известной переводчицей, автором книги «Прогулки с английским» Марией Адольфовной Колпакчи. Английский я сдал на «отлично».

Оставались письменный и устный экзамены по литературе. За этот предмет я не беспокоился. Еще, сдавая выпускные экзамены в школе, мы предполагали, что темой сочинения обязательно станет образ Ленина в произведениях советских писателей. Совсем недавно умер Сталин, и теперь его полностью вытеснил Ленин. Тогда я готовился к сочинению на тему «Образ Ленина в творчестве В.В.Маяковского». В качестве главного пособия имел опубликованную в журнале «Новый мир» статью моего отца, которая посвящалась творчеству В.В.Маяковского. За школьное сочинение по угаданной теме я получил пятерку. В Горном институте писал сочинение на ту же тему, использовал те же шпаргалки и тоже получил пятерку. Устный экзамен по литературе я считал для себя самым легким. Так и оказалось. В итоге я набрал 26 баллов и меня зачислили в институт. Если бы набрал на один балл меньше, остался бы за бортом. Тогда у меня впервые возникло ощущение, будто в трудную минуту жизни ко мне кто-то приходит на помощь...

Первого сентября начинались занятия. Но вместо учебы нас направили на овощную базу рядом с железнодорожной станцией Кушелевка. В сумрачном помещении мы перебирали картошку и другие овощи.

Здесь же работали заключенные женщины из ближайшей тюрьмы. Почти у всех были ярко накрашены губы, многие курили папиросы. Их охраняла коренастая тетя в военной форме с винтовкой в руках.

Мне и моим товарищам Володе Соскину, с которым я прежде учился в одной школе, и Боре Садофьеву надоело перебирать овощи, и мы начали перебарываться гнилыми картофелинами и кидать их в студенток. Кто-то пожаловался на нас в деканат. Вскоре нашу троицу отозвали в институт, вручили ломики и лопаты, и велели в институтском дворе копать глубокую траншею. Эта работа была потяжелее, чем переборка овощей. Но нам за неё хорошо заплатили, в то время как работающим на овощной базе платили гроши. Так что мы остались довольны. (Когда через 20 лет я пришел в Горный институт, то увидел во дворе молодых людей, отрывавших траншею точно в том же месте, где когда-то копали мы.)

Потом наступили занятия. Я практически не занимался. Поскольку я выбирал не профессию, а образ жизни, то тяги к учебе, естественно, не имел. Контроля со стороны не было, никто не спрашивал, как в школе, и я совершенно забросил учебу. Правда, однажды я попытался выполнить полученное от преподавателя марксизма-ленинизма задание — законспектировать «Капитал» Карла Маркса. Я пошел в читальный зал институтской библиотеки и попросил «Капитал». Мне дали толстенную книгу, и я с ней уселся за стол. Прочитав, ничего не понимая, несколько страниц, я пришел к выводу, что задача законспектировать эту книгу — для меня непосильная. Посидев для приличия минут двадцать, я сдал книгу библиотекарше. Через месяц я взял готовый конспект у Эдика Будько и, не вдумываясь в смысл написанного, переписал его, меняя местами слова, и пропуская некоторые предложения, чтобы мое произведение не было похоже на конспект Будько.

В деканат поступали жалобы на меня, Володю Соскина и Борю Садофьева, за то, что мы на лекциях громко болтаем, мешаем другим студентам слушать преподавателя, занимаемся посторонними делами, и даже нецензурно выражаемся. На эту тему кто-то из сокурсников (скорее всего, сокурсниц) написал обличительную заметку в стенную газету «Нефтяник». Мы нередко пропускали лекции, и если бы не наш строгий староста Саша Сафронов, вообще не ходили бы на занятия. Саша отмечал каждый наш прогул, несмотря на уговоры. Он имел очень внушительный вид — высокого роста, широкоплечий, с крупной головой, насупленным взглядом из-под сросшихся бровей. Наверное, его назначили старостой из-за грозной внешности. Однако в душе это был чуткий и добрый человек. Поэтому мы не обижались на него, когда он отмечал наше отсутствие. Но хотя мы и пропускали лекции, в институт приходили всегда. Интереснее места тогда для нас не существовало. Собирались вместе с другими прогульщиками-первокурсниками на лестничной площадке второго этажа рядом с тележкой газированной воды. Очень вкусную воду разливал по стаканам худощавый мужчина с выразительным лицом по прозвищу Бойль-Мариотт. Его вода была вкусной потому, что в отличие от других ленинградских продавцов, он не разбавлял сироп водо-

проводной водой. Совсем неумиющим студентам он наливал газированную воду без сиропа. Поскольку Бойль-Мариотт слышал все разговоры, которые вели рядом с ним студенты, он был в курсе институтской жизни и нередко вставлял свои реплики в разговоры студентов, поправляя, если кто-нибудь неточно излагал события. Иногда подходили студенты старших курсов и, выпив стакан газировки, сообщали нам некоторые студенческие заповеди, например:

- уходя с лекции, в целях конспирации не прощайся с преподавателем;
- зачетная книжка — лицо студента, не издевайся же над своим лицом;
- соблюдай «сухой» закон — не плавай на экзамене;
- у нас забудь поговорку «Тише едешь — дальше будешь»;
- не убеждай преподавателя, что не имеешь шпиргалки, ибо он посчитает тебя неподготовленным к экзамену;
- если ты получил тройку, то считай, что тебе обеспечен прожиточный минимум.

В дальнейшем, когда троечник выходил с экзамена, и товарищи спрашивали, какая у него оценка, он гордо объявлял: «Прожиточный минимум!».

В Горном институте студенты носили красивую форму с золотыми погонами, на которых выделялись буквы «ЛГИ». Мы, смеясь, говорили, что студентам Горного института дают приказ врать. А вот студенты-геологи Университета, у которых на погонах сияют буквы «ЛГУ», и так врут, без указания свыше. Однако в год нашего поступления в институт форму отменили. Тем не менее, многие первокурсники форму все-таки шили. Некоторые ограничивались горняцкой фуражкой.

Вечерами и в выходные дни в компании с Володей Соскиным и Борей Садофьевым, я ездил к интерклубу моряков, который размещался в старинном двухэтажном особняке на наб. канала Грибоедова, д.166. Там иностранные моряки по очень низкой для нас цене продавали модные заграничные вещи. Например, галстуки с экзотическими рисунками: пальмами, обезьянами, обнаженными женщинами. Продавались также рубашки, обувь, брюки, носки, куртки. Большим спросом пользовались жевательная резинка, американские сигареты, зажигалки (ничего этого в магазинах тогда не было). Покупали у моряков и модные в то время женские нейлоновые чулки с черной пяткой, яркие женские платки и другие товары. Обращаясь по-английски к морякам, мы предлагали им заняться бизнесом. Они живо откликнулись. На вырученные деньги моряки покупали водку, и бывало, выпивали ее на улице из горлышка. Иногда, заглянув в магазин, и увидев там толкучку и большие очереди, моряки пугались, поскольку они не привыкли к очередям, и просили купить бутылку кого-нибудь из нас.

Пару раз и я покупал, и получал в награду пачку американских сигарет. Среди моряков преобладали жители скандинавских стран, где существовали ограничения на продажу алкоголя, поэтому они буквально набрасывались на дешевую русскую водку. А мы купленные вещи носили сами или же продавали знакомым, чем пополняли свой студенческий бюджет. Самую крупную сделку мы совершили со шведским моряком. Он предложил нам строгий темно-синий костюм из английской шерсти совсем дешево. Мы, конечно, обрадовались низкой цене, но не понимали, как он нам его продаст. Ведь костюм был на нем. Все оказалось просто. Он завел нас в ближайший подъезд и снял с себя пиджак. Под ним оказалась куртка. Потом снял брюки, под которыми были надеты другие брюки. Я попросил старшего брата Дмитрия сдать костюм в скупочный пункт, в котором, в отличие от комиссионного магазина, деньги давали сразу, правда, значительно меньше, чем в комиссионке. Брата я попросил, потому что он выглядел солиднее меня и моих товарищей, и его не станут расспрашивать, откуда взялся костюм. Выручка оказалась, на наш взгляд, очень приличной...

Около интерклуба я часто встречал Мишу Хаскина — студента металлургического факультета Горного института. Это был очень симпатичный парень. Его украшала густая шевелюра, а на круглом лице сверкали исключительной белизны зубы. Миша не знал, что такое зубная боль. У него не было ни одного испорченного зуба. Среди ленинградцев это была большая редкость. По этому поводу мы все завидовали Мише. Он успешно торговал с моряками, а позже и с другими иностранцами. Всегда был прекрасно одет и имел много денег, или как мы говорили, башлей. Вскоре после окончания института его поразила страшная болезнь — рак челюсти. Миша испытывал дикую боль. Он предлагал врачам пачки денег за морфий, чтобы как-то усмирить боль. Но врачи боялись продавать морфий, за это их сажали. И так, в жутких мучениях, Миша умер в возрасте 26 лет...

Когда торговля около интерклуба только начиналась, милиция смотрела сквозь пальцы на контакты с иностранными моряками. Один сержант милиции, которого мы часто угощали американскими сигаретами, даже подбадривал нас: «Давай ребята, грабь иностранцев!». Этим он выражал свое классовое неприятие представителей буржуазного общества. Но вскоре торговля у интерклуба стала преследоваться: покупателей забирали в милицию и отбирали приобретенные вещи. Наши деловые отношения с иностранцами называли спекуляцией, которая в Советском Союзе каралась по закону. Я перестал ездить к интерклубу, но желание модно одеваться не пропало. В те годы в магазинах не продавались иностранные вещи, а советская одежда шилась по довоенным моделям. Вместе с тем многим молодым людям хотелось одеваться по современной западной моде, несмотря на то, что любителей всего иностранного тогда презрительно называли стилистами. Любимый укор обличителей стилист звучал так: «Небось, сало русское едите!». Это они цитировали стихи известного детского поэта, автора слов Гимна Советского Союза Сергея Михалкова:

Я знаю, есть еще семейки,
Где наше хаят и бранят,
Где с умилением глядят на заграничные наклейки,
А сало русское едят!

Расплата за пренебрежение учебной наступила быстро. Я получил две двойки на первой экзаменационной сессии и чуть не вылетел из института. Одну двойку получил на начертательной геометрии, а другую — по химии у Николая Ивановича Ягна, который, как заверяли меня старшекурсники накануне экзамена, за всю историю института, в котором он работал с довоенных времен, не поставил ни одной двойки.

Ягн слыл тонким ценителем балета. Был хорошо знаком с великим танцовщиком Константином Сергеевым, дружил с самой воздушной Жизелью — Наталией Дудинской, не пропускал ни одной постановки балета в Мариинском (Кировском) театре. Говорили, что он всегда сидит в первом ряду...

На экзамене я переписывал со шпаргалки на доску сложную химическую формулу. Николай Иванович находился от меня довольно далеко, но вдруг он совершил какой-то фантастический прыжок (в балете называется *Grand Saut*) и оказался рядом со мной. Но я успел спрятать шпаргалку, и не был пойман на месте преступления. Ягн покраснел и попросил меня покинуть аудиторию, поскольку я, по его словам, списывал, хотя я уверял его, что никакой шпаргалки не было.

Потом проваленные предметы я пересдал. Все-таки я кое-что знал, в отличие от персонажа горняцкого студенческого спектакля, который «химию сдавал три раза — не отличал он жидкости от газа...». Конечно, остался без стипендии. Как тогда говорили: «данке шён — стипендии лишён». Кроме того, в то время существовала плата за обучение в институте. Раз в семестр надо было вносить деньги в кассу института. Мама получала мизерную зарплату школьного библиотекаря, и нам пришлось нелегко без моей стипендии. Правда, вскоре плату за обучение отменили. Борю Садофьева после первого семестра отчислили из института за неуспеваемость, и он устроился в Кукольный театр на ул. Некрасова рабочим сцены. Он сразу уехал с театром на гастроли по городам прибалтийских республик, и вернулся полный впечатлений. Вскоре его призвали в армию. Он попал в летные части и на военном аэродроме водил грузовик.

Кроме Садофьева, из нашего потока исключили еще одного студента, о котором ходили слухи, что он промышляет карманными кражами. И он не опровергал эти слухи. Это был симпатичный брюнет выше среднего роста. Звали его Юрием. В воровской среде он имел прозвище цыган, с ударением на первый слог. Однажды глубокой осенью мы с Володей Соскиным встретили его в начале Невского проспекта возле кафе «Баррикада». Рядом с этим кафе располагалась круглосуточная стоматологическая помощь. Естественно, бесплатная. Как-то ночью у меня разболелся зуб. Я выходил из квартиры на лестницу, подбирая окурки и курил, чтобы как-то успокоить боль. Но зуб ныл все сильнее и сильнее. Транспорт уже не ходил, и я побежал по пустынным улицам к «Баррикаде». В поликлинике мне положили на зуб лекарство, и боль прошла. А теперь мы втроем зашли

в кафе «Баррикада», где к нам за столик подсели двое парней. Один из них спросил стриженного наголо Володю, где он «чалился». Юра пояснил, что Володя нигде не «чалился», т.е. не сидел, и, указывая на нас, добавил: «Ребята не воры». Но парни продолжали разговаривать на блажном жаргоне. Блатная речь слышалась и у соседних столиков. Юра поведал нам, что, сегодня — понедельник, для воров выходной день, и они здесь отдыхают. Я для себя сделал вывод, что по понедельникам за свои карманы можно не беспокоиться. Мы выпили по несколько стопок водки, и наши соседи за столиком начали ссориться. На бумажных салфетках они писали друг другу оскорбительные слова и угрозы. Юра пытался их успокоить, но не получилось, и мы вышли на улицу. Мне было интересно узнать о политических взглядах Юры, и я завел разговор о нашей системе. Володя пренебрежительно отозвался о ней. Я подумал, что Юра поддерживает его. Но, к моему удивлению, он стал расхваливать советский строй. Видно, в нашей стране воры чувствуют себя уютно. Позже я прочитал у писателя Варлама Шаламова, прошедшего в сталинском ГУЛАГЕ двадцать лет, что администрация лагерей называла воров «друзьями народа» и призывала их активно бороться с «врагами народа» — политическими заключенными, что они с удовольствием и делали, издеваясь и физически уничтожая в большинстве своем ни в чем не повинных людей...

Возникли проблемы с комсомольской организацией. Когда я поступил в институт, представитель комитета комсомола спросил, какой общественной работой я занимался в школе. Я ответил, что являлся членом редколлегии школьной стенной газеты. Тогда меня зачислили в редколлегию стенной газеты «Нефтяник». Я один раз пришел на выпуск газеты, что-то намалевал, и больше не приходил. За неуспеваемость и отлынивание от общественной работы мне объявили выговор. На заседании комитета комсомола института секретарь комитета Юрий Парийский, строго глядя на меня стальными глазами, заявил, что я не доучусь до третьего курса. (Через несколько лет, уже после окончания института, мы дружески общались с Юрием Михайловичем Парийским в связи с организацией при кафедре техники разведки платных курсов повышения квалификации буровых мастеров, с которыми я работал в поле).

Надо сказать, что во время учебы на первом курсе комсомольская жизнь в Горном институте отличалась суровой непримиримостью ко всем чуждым проявлениям в студенческой среде. Часто объявлялись комсомольские собрания с повесткой дня типа: «Рассмотрение аморального поведения комсомольца такого-то». Как-то я вместе с Володей Соскиным пришел на первое для нас в институте комсомольское собрание нефтяного факультета. На собрании разбирались поступок студентки, укравшей деньги у своей подруги по общежитию. Оказалось, что это не первая ее кража. На допросе она призналась, что воровала не по собственной воле, а по принуждению. Студент старшего курса, с которым она находилась в любовной связи, заставлял ее приносить деньги. Собрание обрушилось на альфонса, и сразу поступило предложение исключить его из комсомола, что было равно-

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

«ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ», «ИНЖЕНЕРНАЯ ГЕОЛОГИЯ»,
«ГЕОТЕХНИКА» И «ГЕОРИСК»

Реклама

Стоимость годовой подписки на журналы (через редакцию):

- «Инженерные изыскания» (14 номеров) – 9660 рублей.
- «Инженерная геология» (6 номеров) – 3600 рублей.
- «Геориск» (4 номера) – 2400 рублей.
- «Геотехника» (6 номеров) – 3900 рублей.

В стоимость подписки включены почтовые расходы и НДС.

ОТДЕЛ ПОДПИСКИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

+7 (495) 210-89-92

Быковских Максим

PR@GEOMARK.RU

WWW.GEOMARK.RU

ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛЫ МОЖНО ОСУЩЕСТВИТЬ ЧЕРЕЗ ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА:

Стоимость подписки уточняйте непосредственно в агентстве. Издательство «Геомаркетинг» не несет ответственности за цену, указанную в каталогах агентств «Роспечать» и «Урал-пресс».

Подписные индексы Агентства Роспечать:

«Инженерные изыскания»	71509
«Инженерная геология»	36611
«ГеоРиск»	71510
«Геотехника»	22780

Подписку через агентство «Урал-пресс» можно оформить на официальном сайте — www.ural-press.ru

сильно исключению из института. Почти все проголосовали за исключение. Против никто не голосовал. Лишь несколько старшекурсников воздержались, и, глядя на них, воздержались и мы с Соскиным. Но тут неожиданно вскочил с места один из комсомольцев и с перекошенным от злобы лицом потребовал, чтобы мы с Володей объяснили собранию, почему не голосуем вместе со всеми. Правда, председатель собрания успокоил его. Больше мы с Володей на комсомольские собрания не приходили. Ни ходили мы с ним и на праздничные демонстрации. И что удивительно, нам никто по этому поводу не делал замечаний. В своей жизни я был только один раз на праздничной демонстрации — когда учился в восьмом классе, и она мне очень не понравилась. Однако накануне праздников я с нетерпением ждал появления в фарватере Невы боевых кораблей Балтийского флота. Направляясь по набережной Невы в институт и обратно, я, как и многие ленинградцы, всегда любовался ими. И еще я любил праздничный салют...

После провала на сессии я взялся за учебу, и постепенно все стало на свои места. Но репутация моя была подмочена, и потребовалось время, чтобы преподаватели стали относиться ко мне с доверием.

В то время, когда мы учились на первом курсе, в Ленинграде сильно оживилась студенческая художественная самодеятельность. По Домам культуры и клубам города с триумфом шел спектакль Ленинградского электротехнического института «Весна в ЛЭТИ». Тогда многие думали, что наступила весна, но это была лишь оттепель. Потом спектакль показывали по телевидению. Другие вузы не хотели отставать. В том числе и Горный институт. В институте объявили конкурс на лучший спектакль между семью факультетами. В создании спектаклей принимали участие члены Литературного объединения Горного института (горняцкое ЛИТО). Оно возглавлялось поэтом Глебом Сергеевичем Семеновым. Участники ЛИТО звали себя «Глеб-гвардии Семеновским полком». Воспитанниками ЛИТО являются известные ныне литераторы: Александр Городницкий, Владимир Британишский, Леонид Агеев, Олег Тарутин, Лев Куклин, Андрей Битов, Лидия Гладкая, Елена Кумпан, Лина Глебова. Среди бывших членов ЛИТО — крупные ученые и организаторы производства, лауреаты Государственных премий, авторы открытий и изобретений.

Не знаю, был ли членом ЛИТО Олег Цакунов, поступивший в 1954 году на специальность ГСПС (геологическая съемка и поиски). Окончив институт, он понял, что у него иное призвание, и профессионально занялся литературой. Со временем, в смутные девяностые годы, когда детская литература сходилась «на нет», он возглавил детский журнал «Костер», который при нем достиг небывалого тиража. Тогда он сказал: «Детская литература-то жива! А значит все не зря. И мы не зря!». Но в 2000 г. Олег Александрович Цакунов трагически погиб...

С горняцким ЛИТО был тесно связан заведующий кафедрой иностранных языков Владимир Ефимович Шор, являющийся профессиональным переводчиком, членом Союза писателей СССР. На фронте он потерял руку. Позже Александр Городницкий писал:

И вспомню я, над тишиной могил
Услышав звон весеннего трамвая,
Как Шор в аудиторию входил,
Локтем протеза папку прижимая.
Он кафедрой заведовал тогда,
А я был первокурсником. Не в этом,
Однако, дело: в давние года
Он для меня был мэтром и поэтом.
Ему, преодолая легкий страх,
Сдавал я переводы для зачета.
Мы говорили битый час о чем-то,
Да не о чем-то, помню — о стихах...

(«Комаровское кладбище»,
1985 г.)

Другой преподаватель, близкий к ЛИТО, — много лет заведующий кафедрой кристаллографии Илларион Илларионович Шафрановский. Это был крупнейший кристаллограф XX столетия. Он оставил после себя множество научных трудов, многократно издаваемый учебник, популярную книжку «Кристаллы стихов — стихи кристаллов». Он является автором многих стихотворных произведений, в том числе перевода «Фауста» И.В.Гёте. В годы блокады он потерял всех своих близких. Но и тогда он писал стихи, полные трагизма и мужества, и продолжал верить в силу человеческого разума:

Нам было ясно — не навек
Нависла эта тьма:
За нами — строй библиотек,
Сокровища ума.

И никогда И.И.Шафрановский не забывал, что он ученый:

Не Ломоносову ль я внук?
...На невском берегу
Плоды воспетых им наук
Я свято сберегу!

(Зима 1941–1942 гг.)

Кристаллография и поэзия были для Шафрановского неразделимы. Наверное, и успехи бывших членов ЛИТО на научном и производственном поприще, можно объяснить тем, что для них работа не была тягостным исполнением служебных обязанностей, как для многих людей. Они всегда находили в своей работе поэзию, как Шафрановский находил ее в кристаллах...

В институте очень любили поэзию. И студенты, и преподаватели. «Горняцкая правда» с «Литературной страницей» стихов расхватывалась в считанные минуты. На вечерах поэзии старинный конференц-зал бывал забит до отказа. Надо сказать, что в настоящее время газета «Горняцкая правда» и факультетские стенные газеты больше не существуют. Наверное, их время прошло.

Большую помощь в становлении Горняцкого ЛИТО оказал главный редактор многотиражки «Горняцкая правда» Павел Иванович Мустель, ставший позднее ректором института. Будучи ректором, он читал на нашем потоке «Технику безопасности». Читал ин-

тересно, мы узнали от него много жизненно важных сведений. Павел Иванович помог осознать огромную важность этой дисциплины. На производстве руководители различных рангов не всегда достаточно серьезно относятся к технике безопасности, пренебрегают основными требованиями, и, как результат, — несчастные случаи, вплоть до смертельных. Любимый довод многих руководителей — если соблюдать все правила, то тогда надо останавливать производство. Когда я после окончания института работал на изысканиях, в моей партии за многие годы не было ни одного несчастного случая, хотя мы занимались довольно опасным делом — бурением скважин в прибрежной акватории Баренцева моря. Бурение велось с небольших плавучих средств в условиях приливов и отливов, волнения, сильных ветров и течений. Я, как мог, старался предотвратить несчастные случаи. Конечно, нередко просто везло, как говорится, пронесло.

Очень много внимания уделял Мустель безопасному проведению подземных горных работ. Но он никогда не рассказывал о гибели людей в наших шахтах. Студенты считали, что на советских шахтах люди не погибают. Шахтеры гибнут только в капиталистических странах. Позже мне попал в руки перечень событий в Советском Союзе, которые подлежат засекречиванию. В этом списке на одном из первых мест стояли аварии на шахтах и рудниках со смертельным исходом. Так что, Мустель не мог нам рассказывать о гибели людей на советских шахтах, хотя, наверное, был информирован об этих событиях.

В конце курса Мустель поведал нам одну важную вещь. Он сказал, что многие предметы, которые мы изучаем в институте, совсем не потребуются в практической работе. Но пусть нас это не расстраивает. Зато мы в институте научимся в короткий срок овладевать новыми знаниями. И поскольку жизнь постоянно меняется, а темпы технического развития становятся все выше и выше, мы должны будем быстро приспосабливаться ко всему новому. И у нас это хорошо получится. Я убедился, насколько он был прав. И всегда помнил Павла Ивановича, его негромкий голос, мягкую, интеллигентную манеру общения...

В те времена в вузах кипела и спортивная жизнь. В Горном институте большой популярностью пользовались бокс и борьба самбо. Бои боксеров устраивались на сцене конференц-зала. При этом на сцене всегда сидела врач в белом халате и демонстративно читала книгу, показывая своим видом, что все происходящее здесь ее не интересует, но так положено, все может произойти на спортивных соревнованиях. Однажды и я боксировал на сцене. Болельщики моего соперника — студента-металлурга Исаака Максимова, бывшего моего одноклассника, кричали: «Бей керосинщика!». Тогда я проиграл по очкам, и Володя Соскин смеялся надо мной: «Изю в школе колошматили все, кому не лень, а ты ему проиграл! Ха-ха-ха...».

Спортивные занятия проходили в помещении бывшего Храма во имя Преподобного Макария Египетского. Храм был устроен архитектором А.Е. Штаубертом в корпусе здания Горного института, выходящем на 21-ю линию, одновременно с постройкой все-

го здания по проекту А.Н.Воронихина. Из святынь, хранившихся в Храме, особенно замечательны были: большой малахитовый запрестольный крест на горке из искусно подобранных самоцветов; образа Преображения и Воскресения Христова — мозаики из резных камней с вкрапленными в них самородками золота; иконы иконостаса главного алтаря Храма кисти Г.И.Угрюмова.

Храм перестал существовать в конце 1917 года, и его стали использовать для самых разных целей, в том числе и для занятий спортом. Мы об этом ничего не знали, поскольку все следы Храма были тщательно уничтожены. Таким образом, мы, не ведая того, принимали участие в осквернении Храма...

После распада Советского Союза началось восстановление уничтоженных Храмов. Указом Президента РФ Б.Н.Ельцина от 30.07.1996 года Санкт-Петербургский горный институт включен в свод особо ценных объектов культурного наследия народов России. Сразу начались работы по воссозданию Храма, и 7 июля 2004 года состоялось освящение Храма Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. За большой вклад в дело воссоздания Храма высокими наградами Русской Православной Церкви удостоены ректор Владимир Стефанович Литвиненко и его коллеги — активные участники воссоздания Храма. Надо сказать, что с приходом к руководству Горного института талантливого организатора В.С.Литвиненко началась новая эпоха в развитии института. Мы, студенты пятидесятых годов, не могли даже представить себе, как преобразится Горный институт...

А тогда мы занимались разными видами спорта в помещениях бывшего Храма. Вначале я с большим удовольствием занимался боксом. Я представлял себе, как в будущих боях посылаю в нокаут своих противников одного за другим, рефери поднимает вверх мою руку в перчатке, и публика мне громко аплодирует. Но после первого же проигранного боя я разочаровался в боксе, и в следующем году пошел заниматься на общую физкультуру, где преобладали занятия на кольцах, брусьях, перекладине и гимнастическом коне. Поскольку я до этого несколько лет занимался гимнастикой в районной спортивной школе, на занятиях общей физкультурой преподаватели меня постоянно хвалили, что мне было весьма приятно. Мои товарищи, у которых не получались упражнения на гимнастических снарядах, ревниво кричали преподавателям: «Так он раньше занимался!». Когда я учился в девятом классе школы, занятия гимнастикой, можно сказать, спасли мне жизнь. Дело было так. Я перебежал Кировную в неполюженном месте, и меня сбил автомобиль. Пока я летел, я автоматически сгруппировался и приземлился на корточки посередине трамвайных путей. Как будто соскочил с перекладины. Обычно люди, которых сбивает машина, ударяются головой об мостовую и погибают. Шофер, сбивший меня, резко затормозил и выскочил из машины. А я, на всякий случай, бросился бежать в сторону пр. Чернышевского...

Чтобы получить зачет по физкультуре, требовалось также сдать лыжный норматив. Мы должны были пробежать 10 км вокруг Смоленского кладбища. Я бежал круг за кругом, потом мне надоело бежать,

я спрятался за могилу и стал ждать, когда лыжники пойдут на последний круг. И вот, когда я хотел присоединиться к финиширующим лыжникам, из-за соседней могилы выскочил преподаватель кафедры физкультуры Ромм, громко прокричал мой номер и объявил, чтобы я явился для повторной сдачи. Этого преподавателя я запомнил со вступительного занятия на кафедре физкультуры. Тогда он начал свою лекцию с рассказа о том, какое значение придавал занятиям физкультурой Карл Маркс. Я представил, как бородатый, с огромной шевелюрой, Карл Маркс раскачивается на брусках. Примерно то же самое вообразил и Володя Соскин. Мы с ним хохотали, а Ромм неодобрительно на нас поглядывал. Потом Соскин долго пародировал выступление Ромма, который плохо произносил звук «р»: «Еще Кал Макс говоил, что физкультуа посто необходима». При этом самого преподавателя Соскин называл Оммом. Повторную сдачу лыжного норматива кафедра физкультуры назначила на льду озера Кавголовское. Мы бежали по середине озера, дул ледяной ветер, но спрятаться было некуда. Я ностальгически вспоминал Смоленское кладбище, из-за холода старался бежать как можно быстрее, и благодаря этому получил зачет.

После первого курса (весна 1955 года) мы прошли ознакомительную геологическую практику в живописной местности вблизи станции Саблино под Ленинградом. Руководил практикой доцент Юрий Константинович Дзевановский — седой мужчина с молодым, красивым лицом. Некоторые наши девушки были в него тайно влюблены. В первом семестре Дзевановский читал нам курс по общей геологии. Он был нашим первым проводником в геологическую профессию. Правда, на вводной лекции он нас ошаршил, заявив: «Геологическое будущее Земли бесперспективно. Энергия солнца не бесконечна. Через миллионы лет светило потухнет. Жизнь на земле, увы, прекратится!». Когда первый шок от этого заявления прошел, он продолжил: «Но из этого не следует, что геологию изучать не надо. Цивилизация немислима без пополнения ресурсов...».

На экзамене, когда я не мог ответить на задаваемые вопросы, он стыдил меня: «Товарищ Архангельский, ведь вы же геолог!». Но я тогда еще не чувствовал себя геологом, а на экзамене получил «удовлетворительно». После окончания института я много времени уделял изучению общей геологии. Я уже ощущал себя геологом, хотя и понимал, как много геологических знаний мне не достает. И, конечно, жалел о своем безалаберном отношении к учебе в институте...

Местность, где проходила практика, не характерна для нашего региона с редкими геологическими обнажениями. Здесь, в обрывистых склонах долин рек Саблинка и Тосна прослеживаются кембро-ордовикские отложения, начиная с синих кембрийских глин. Эти уникальные обнажения нижнепалеозойских отложений имеют международное значение.

Мы увидели знаменитый Саблинский водопад и водопад на реке Тосна. Интересны саблинские пещеры, зияющие в береговых обрывах. Пещеры представляют собой старые горные выработки, пройденные для добычи белого кварцевого песка, который

использовался для производства стекла и знаменитого императорского хрусталя.

Эта местность всегда служила объектом изучения геологами, геоморфологами, биологами. Разноплановые геологические исследования, в том числе и для составления геологических карт северо-западной части России, проведенные здесь в разные годы, связаны с именами таких выдающихся геологов, как А.П.Карпинский, А.Е.Ферман, И.В.Мушкетов, А.А.Борисяк, М.М.Тетяев и др.

Здесь также имеются исторические памятники: место стоянки новгородского князя Александра Ярославовича перед битвой со шведами в устье реки Ижора, где состоялась знаменитая Невская битва, после которой он получил имя Невского; хуторок «Пустынька» — бывшая усадьба графа А.К.Толстого. Рядом со стоянкой Александра Невского на левом берегу реки Тосно в 150м от ее слияния с рекой Саблинка находится крутой обрыв, представляющий собой так называемое «21 обнажение». Обрыв не оставил равнодушным художника А.В. Тыранова, который в 1827 году запечатлел это место на своем полотне «Вид на реке Тосно близ села Никольское». Картина находится в экспозиции Русского музея.

Необычная природа этих мест — глубокие, до 30м, каньоны, водопады, вековые деревья — клен, дуб, сосна, береза, реликтовые «саблинские» колокольчики белого и нежно-синего цвета — всегда вдохновляла художников, поэтов и писателей на создание замечательных произведений. Здесь жили и работали А.В.Тыранов, Я.П.Полонский, А.А.Фет, А.К.Толстой, А.М. и В.М. Жемчужниковы, В.С. Соловьев, И.С.Тургенев, И.А.Гончаров и др. Впоследствии вековые деревья вырубili, и вся местность заросла подлеском — березой, ольхой и осинкой.

Ныне туристские фирмы организуют для всех желающих экскурсии в эти заповедные места...

Во время Саблинской практики ко мне подошла девушка из нашей группы и сообщила, что у одного из студентов ожидается день рождения, и что я должен внести деньги на подарок. Я отдал деньги и поинтересовался, у кого день рождения. Она заглянула в бумажку и сообщила: «у Архангельского!». Потом ойкнула, смутилась и убежала, но деньги не вернула. Таким образом, я сделал взнос на собственный подарок. В день рождения на зеленой полянке мне его вручили — симпатичную деревянную лошадку, которая цела до сих пор. Парни принесли водку и вино, а на закуску — зеленые маринованные помидоры — весь ассортимент местного магазина. Мы выпили, закусили помидорами, и, конечно, опьянели. Одному из студентов стало плохо, и он начал возвращать природе зеленые помидоры. Это, а может быть что-то другое, не понравилось другому участнику трапезы — Аркаше Горбушину, и он полез к бедняге с кулаками. Но тому было не до драки: изрыгая помидоры, он уползал на четвереньках вверх по склону. Однако агрессор продолжал преследование, и мы с трудом оттащили его от жертвы. Так я отметил свое совершеннолетие.

По окончании Саблинской геологической практики мы съездили на берег Финского залива в район поселков Солнечное, Репино и Комарово, где Дзева-

новский знакомил нас с живописными дюнами — поросшими сосной холмами и грядами песка, переносимого ветром. В начале 21 века многие дюны срезаны строителями и на их месте построены роскошные коттеджи.

Потом мы поехали на геодезическую практику в деревню Вышегород Дедовичского района Псковской области. На поезде, который шел с Витебского вокзала, мы ночью прибыли на станцию Дедовичи. Там нас встретил с грузовой машиной представитель базы «Горняк». В машину посадили девушек и сложили личные вещи всех студентов. Парни должны были идти пешком. Представитель базы кое-как объяснил нам дорогу в Вышегород, нарисовал схему и объявил: «Планы дадены, идите!». До Вышегорода расстояние составляло больше двадцати километров. И мы пошли. Причем у нас сложились разные представления о предстоящем пути, поэтому мы пошли разными дорогами. Я шел с Володей Соскиным. Одежды мы были в одинаковые непромокаемые прорезиненные плащи синего цвета, которые иронично называли мантиями, и кирзовые сапоги. Как говорил Володя, идем в мантиях и прохорях. Ранним туманным утром мы пришли в Вышегород, по мокрой траве взобрались на холм и были поражены видом Храма, словно парившего в небесах. Потом туман рассеялся и перед нами открылся необыкновенной красоты ландшафт. Далеко вокруг простиралась холмистая местность, покрытая лесами и озерами. На вершине холма возвышался величественный Храм — так называемая Красная церковь, в которой разместилось наше камеральное помещение, попросту — камералка. На самом деле Красная церковь — это когда-то знаменитая Церковь Михаила Архангела, построенная в 1873 г. Рассказывали, что во время строительства никто из местных жителей не смел есть яйца — раствор для Храма замешивался на яичном белке, и он приобретал высокую прочность.

После революции 1917 г. церковь разорили, колокола сбросили на землю. До 1936 г. церковь пустовала, а затем ее передали Ленинградскому горному институту. Во время войны немцы устроили в Храме оружейный склад, а в подвале — тюрьму для партизан. Однажды местный подросток Сережа Евдокимов попытался передать узникам хлеб и воду. Его тут же расстреляли...

Жили мы в большом двухэтажном деревянном доме барачного типа с двухъярусными нарами. На следующий после приезда день нас разбили на бригады. Практика начиналась с топографической съемки. Причем к съемке мы приступили после собственноручного изготовления планшетов. Нынешние топографы не знают, как это делается. А мы покупали у местных жителей яйца и яичным белком приклеивали плотную белую бумагу к планшету. Не клеим, а яичным белком! Когда белок высыхал, бумага натягивалась без единой морщинки.

Однажды мы снимали выделенный нам участок территории, и вдруг наш белоснежный планшет облепила целая туча летучих муравьев. Мы пытались отогнать их, но подлетали все новые и новые крылатые существа, и через какие-то минуты наш белый планшет стал черным. Кроме того, вредные насеко-

мые покрыли светлые рубахи студентов, а потом облепили лица. Мы вынуждены были свернуть инструмент, сняли с себя рубашки и бросились бежать на базу. По пути летучие твари отстали от нас. Больше они не появлялись.

Через некоторое время после налета летучих муравьев, на меня напал молодой домашний кабан. Я попытался отогнать его, но ничего не получилось, а его оскал выглядел очень внушительно, и я побежал от него в надежде где-нибудь укрыться. Пока я бежал, меня в переносицу ужалила пчела. Какой-то сельский террор! На моем пути стояла изгородь, я перепрыгнул через нее, и кабан меня оставил, тогда я принялся растирать распухший нос. Я всегда считал свиней добрыми и безобидными существами. Мне казалось, что их глаза похожи на человеческие. Когда-то во время войны, будучи эвакуированным в Костромскую глушь, я пас наших интернатских свиней. Целыми днями они лежали в дорожной пыли и не причиняли мне никаких хлопот. Иногда я садился на спину какому-нибудь борову и катался на нем верхом. А здесь такой агрессивный кабанчик. Через много лет, когда я приехал на Кубу, я с удивлением узнал, что кубинские свиньи используются для охраны домов, причем со своими обязанностями справляются успешно. Злоумышленники их опасаются. Правда, кубинские свиньи, в отличие от наших отечественных, очень худые, потому они быстро бегают. Раскраска у них самая разнообразная: черная, коричневая, пятнистая, белая...

Во время глазомерной съемки студенты нередко наталкивались на гранитный валун с выдолбленным сиденьем. Согласно легенде, здесь бывал А.С.Пушкин и любил сидеть на этом валуне. И валун носит имя «Пушкинский камень». Знаменитые Пушкинские горы располагаются относительно недалеко от Вышегорода — примерно в 70 км к югу, поэтому вполне возможно, что это так и было.

Руководил практикой доцент Спиридон Акинфович Коробков. Раньше долгое время практикой в Вышегороде руководил интереснейший человек — член-корреспондент Академии наук СССР, видный ученый-геодезист Николай Георгиевич Келль. Среди студентов ходила легенда о том, что в тех местах, где мы проходили геодезическую практику, когда-то располагалась дворянская усадьба Келлей. На самом деле Николай Георгиевич родился в селе Петрово Торопецкого уезда Псковской губернии в крестьянской семье. В 1903 году поступил учиться в Санкт-Петербургский Горный институт, который окончил только в 1915 году. Трудовую деятельность начал в 1906 году на прокладке Донецкой железной дороги, а в 1907 году продолжил ее при постройке трамвайных линий в Санкт-Петербурге. Спустя год, в качестве топографа Русского географического общества, будучи тогда еще студентом, в составе геологического отдела экспедиции попал на Камчатку, где в 1908-1911 годах провел детальные геодезические исследования. Он составил первую карту вулканов Камчатки. Еще в довоенные годы он стал заведующим кафедрой геодезии Ленинградского горного института и оставался на этом посту до 1953 года. В предвоенные годы он также руководил геодезическими работами в Кузбас-

се, на Урале, где вел съемку горы Магнитной, и на Крымской оползневой станции...

Как и многие жители России, он преклонялся перед Л.Н.Толстым. Дал имя своему сыну в честь великого писателя. Внешне старался быть похожим на Толстого, одевался по-простонародному, хотя для него это было несложно. Студенты принимали его за сельского жителя, и когда он подходил к ним во время работы, иногда просили поддержать геодезическую рейку, и даже давали за работу деньги. Он невозмутимо клал деньги в карман. Еще рассказывали, что как-то, приняв его за сторожа, студенты попросили его поднести чемодан при разгрузке машины с вещами. Он безропотно поднес чемодан. Это был настоящий ученый-интеллигент, очень скромный, никак не подчеркивающий свой высокий статус.

Несмотря на большую загрузку полевой и камеральной работой, мы находили время искупаться в живописном озере Локно, посидеть у костра, попеть песни. Лично в моем репертуаре преобладали песни, которым я научился в пионерских лагерях. Кроме пионерских и комсомольских песен, это были песни военных лет, например, «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», песня британских летчиков «Мы летим, ковьяля во мгле...», романтические песни «В нашу гавань заходили корабли», «В Кейптаунском порту», имелись и блатные песни типа «Мурки» и «На Дерибасовской». Теперь я узнавал песни студентов и геологов.

Услышал я и песню топографов на мотив «Крутится, вертится шар голубой...», очень уместную на геодезической практике. В ней были такие слова:

Крутится, вертится теодолит,
Крутится, вертится, лимбом скрипит,
Крутится, вертится — угол дает,
На две минуты он все-таки врет.

Я микрометричный винт повернул,
Я одним глазом в трубу заглянул:
Вижу на горке, где липа цветет,
Девушка в беленьком платье идет.

Мигом влюбился я в девушку ту,
Отфокусировал в темпе трубу,
И любовался я девушкой той,
Только обидно, что вниз головой...

Через семь лет я рассматривал в теодолит Никиту Сергеевича Хрущева, естественно, вниз головой, но мне это было не обидно, а смешно...

Любители карт по вечерам резались в буру на деньги. Я как-то сел в эту компанию, которую составляли студенты НБ (нефтяное бурение). Это были довольно взрослые ребята, намного старше меня, в основном приехавшие в Ленинград из других городов. Меня быстро обыграли, хотя мне казалось, что я имел опыт игры. Я захотел отыграться и поставил на кон свою рубашку. Проиграл и ее. Снял рубашку и, сидя голым по пояс, думал, что же мне надеть. Другой рубашки я не имел. Во время игры к нам подсел один из студентов буровой специальности по фамилии Медведь. Он понаблюдал за игрой, а потом заявил, что меня обыграли нечестным путем. Он стал играть, отыграл

все мною проигранное и вернул мне. Медведь пояснил, что в родном городе Ужгороде ему приходилось играть с шулерами, и он все их повадки изучил.

Иногда мы посещали занятия по стрельбе из малокалиберной винтовки, которые проводил встречавший нас в Дедовичах работник базы. Это был простой человек, и словарный запас у него был очень скудный. Поэтому литературные слова он успешно заменял матерными. И всегда свою «яркую» речь заканчивал словами: «Вот так, по-рабочему!». Но нам объяснений, как стрелять, не требовалось. Мы в школе изучали военное дело, и стрелять умели.

Кормили нас только два раза в сутки, поэтому всем постоянно хотелось есть. Если у кого-нибудь из студентов появлялась еда, то он обязательно делился ею с товарищами. Но вот как-то утром один из студентов объявил, что он ночью проснулся и почувствовал, что от его соседа по нарам пахнет колбасой. Рюкзак соседа был подвергнут ревизии. Действительно, там нашли колбасу, которую тут же коллективно съели.

С местными жителями мы практически не общались. Лишь два раза в наш лагерь приходили подростки и просили хлеба. Мы поняли, что в российской деревне живется несладко. Но мы сами испытывали недоедание, и поэтому помочь им не могли.

На вышегородской практике продолжали развиваться романы, начавшиеся на первом курсе, и зарождались новые. Юные пары имели очень благоприятные условия для уединения. Хорошая погода, места холмистые, сухие. Комары не надоедали. Кругом густая растительность, хранящая тайны влюбленных.

Через девять месяцев после окончания практики появились первые дети. На нашем потоке родился ребенок у Тани Чернецкой и Лени Гоника. Они поженились, а почти сразу после окончания института Ленья скоростно скончался. Как будто он предчувствовал скорую кончину и поспешил продолжить свой род...

Трудились мы на практике старательно, и почти все студенты нашей группы получили за практику отличные оценки. После окончания практики я с несколькими ребятами отправился в обратный путь пешком до станции Дедовичи. Пришли туда вечером к отходу поезда на Ленинград. Но поезд был настолько заполнен, что проводники закрыли двери вагонов и никого туда не пускали, даже с билетами. Тогда по совету местного жителя мы сели на открытую платформу грузового поезда, который отправлялся в обратную сторону до станции Дно. Нам сказали, что на этой станции формируются поезда до Ленинграда и там легче попасть в поезд. С частыми остановками товарный состав прибыл на станцию Дно. Окопавшиеся от ночного холода, мы слезли с грузовой платформы. После недолгих поисков нашли поезд, который должен был отправиться в Ленинград. Двери в вагоны не закрывались, но поезд уже был битком забит людьми. Все сидячие и лежащие места, в том числе, и багажные полки, оказались занятыми. Мы встали в проходе, а когда поезд тронулся, легли на пол и сразу заснули. Во время сна я чувствовал, что по мне кто-то ходит, но продолжал спать. Зато сколько радости мы испытали, когда поезд подошел к перрону Витебского вокзала! 🐾